

Пути к тишине

О СТРАХАХ

Я вообще-то не предсказатель, и если кто-то ждет от меня пророчеств относительно XXI века, то сразу замечу: адрес ложный. И все же позволю себе поделиться некоторыми соображениями. Думаю, нам следует опасаться того, что мы отучимся думать, будем слишком зависеть от техники, слишком полагаться на нее, то есть потеряем нашу способность духовного настроения.

Порой складывается впечатление, что человечество в последние десятилетия пытается превратить искусство в энциклопедию страхов: бесконечные кино- и литературные триллеры, диссонансы, а в изобразительном искусстве — использование трупов в качестве арт-объектов.

Так или иначе искусство отображает реальность, связано с ней. А реальность XX века достаточно страшна. Поэтому неудивительно, что в 20-е, 30-е годы экспрессионизм в Европе стал одним из существенных векторов. Но и ныне многое из происходящего вокруг нас можно отождествить с симптомами страха. Это шум, попытка разными способами забыться, преодолеть неустроенность, наконец, массовая истерия, особенно расцветшая в жанре поп-музыки. Поэтому задача подлинного искусства в конце XX века — в начале следующего мне видится в поисках обратного всему происходящему — пути к тишине, концентрации, медитации, постижению своей сути.

О БОГЕ И АТЕИЗМЕ

Потенция веры, думаю, существует в каждом из нас. И чем больше мы будем сосредотачиваться на своем внутреннем мире, тем больше будем открывать Бога в жизни и в себе самих. Наверное, XXI веку в этом смысле предстоят те же испытания, что и в прочие столетия, потому что напасти дьяволищины (не в плакатном смысле этого слова, а как противопоставление Божественному началу) всегда было много. Считать, что какое-то столетие коренным образом изменит ход истории, не нужно. История — это определенная последовательность и определенный баланс, определенное равновесие темных и светлых сил. Поэтому в XXI веке нас ожидает то же самое, что уже было в прошлом, — мы будем и дальше искать Бога.

Вот и светская, и религиозная музыка существовали всегда. Иногда их взаимодействие можно назвать борьбой, и все же их существование было параллельным. Таково оно и ныне. Потому, скажем, к произведениям Арво Пярта или Гии Канчели, не являющимся хит-музыкой, благодаря выраженной им тишине, медитации, тянутся многие. Надо просто увидеть, услышать эту музыку и открыться ей.

О ЖЕСТОКОСТИ

Полагаю, что жестокость исходит из нашей беспомощности, потерянности и очень часто является оборотной стороной желания защититься. Жестокость и человеческая слабость — очень близки. Одно является продолжением другого. Думаю, и в XXI веке будет достаточно оснований для испытания нашей прочности, какие-то

из этих испытаний наверняка можно будет назвать очень жестокими.

Меня иногда спрашивают, актуальна ли жестокость для искусства. Например, есть консервативные композиторы, которые испытывают нас своим концептуализмом. Другие повергают нас в ужас своими страшными созвучиями. Третьи бесконечно любуются своей собственной красотой, вместо того чтобы петь красоту мира. Все это есть, однако, я не стал бы вещать ярлыки. Идет поиск. Но я верю, что талантливые люди всегда были, есть и будут.

О МАРКСИЗМЕ И ПОПЫТКАХ ВОЗРОЖДЕНИЯ РАЯ ЗЕМНОГО

Честно говоря, я не часто рассуждаю на эту тему, просто потому, что у меня не остается на это времени. Я занимаюсь своим делом и пытаюсь тем самым вносить в жизнь что-то светлое, не стремясь к достижению рая земного. Но если звуки, которые я произвожу, кого-то радуют, кому-то открывают что-то новое или помогают открыть себя, то считаю свою задачу не то что выполненной, но, по крайней мере, полезной.

Музыка — тоже тип служения. Если бы каждый человек в своей жизни чему-то служил, то жизнь стала бы краше. К сожалению, многие люди уходят от этого акта служения и пытаются жить за счет других. Мне глубоко жаль этих людей. Ведь у каждого из нас есть шанс если не изменить мир в целом, то оставить после себя след чего-то доброго. Потому и должно быть активным в этом проявлении. Если же мы живем за счет других в материальном или духовном смысле, то уходим от возможности прожить свою жизнь.

О ВОЗМОЖНОСТИ РЕСТАВРАЦИИ ДИКТАТУРЫ

Думаю, что реставрация диктатуры возможна не то что в XXI веке, а хоть завтра. Диктатура, как и стремление к власти, тщеславие, желание подавлять, — одна из человеческих слабостей. И она живет во многих людях, поэтому-то многие выступают за диктатуру. Им кажется, что там, где будет порядок, будет лучше жизнь. На этой ошибке, этой идеологии нас взрастили, и хотя какой-то иммунитет против тоталитаризма появился, реставрация все еще возможна. Тоталитаризм, так же, как и коммунизм, опять-таки является проявлением человеческой слабости, а не силы.

«Восстание масс» — так называлась одна из книг Ортеги-и-Гассета. Есть нечто страшное именно в шеренгах, есть нечто страшное в силе миллионов, ослепленных идей или лозунгами, ослепленных каким-то видением в отрыве от реальности. Поэтому я не знаю, что страшнее — личность, которая своей яркостью и противоречивостью может подчас возмущать и сподвигать, или культ масс, когда примитивизм или какая-нибудь культурная революция подавляет все, и в первую очередь — личность. В искусстве она обладает особой ценностью, хотя и сотворчество — даже порой анонимное, как в школах иконописцев, — может быть поразительно. Самая же большая опасность и для того, и для другого — ориентация на продажность.

“Если бы каждый человек в своей жизни чему-то служил, то жизнь стала бы краше”

О СКУКЕ

О ней лучше всего сказал Кьеркегор еще столетие тому назад: самая страшная болезнь нашего времени — это скука. Думаю, скука сопровождает тех, кто не способен вдохновиться, всех тех, кто замкнут на каких-то принципах, кто стремится к нормальной, а на самом деле очень бюргерской жизни. Скука — это скука денег, это скука бижутерии, это скука повторения, будь то хрестоматийные секвенции классики или тупая механистическая регулярность поп-музыки. Даже успех и признание могут быть скучны, если самодостаточны. А все, что этому противостоит, все открытые пространства, все неожиданное, как вся природа, вся тишина, — это все не скучно.

О МУЖЧИНАХ И ЖЕНЩИНАХ

Эти отношения не то что изменяются, они уже изменились. Еще совсем недавно идея того, что надо соединяться по любви, была идеей метафизической, литературной, романтической. И существовала столетиями, в этой идее было нечто красивое и художественное. Нынче эту идею возвели в практику, партнеров себе вы-

бирают. Это означает и определенную свободу, и определенное поражение. Каждый в каждом захотел увидеть принцессу или принца, как это было в сказках, а жизнь на самом деле нам этого не предлагает. Поэтому плод фантазии о такой любви, которую мы пытались ввести в практику, очень часто вел и продолжает вести к разочарованиям. Как мы с этим справимся в будущем, неизвестно.

К счастью, женское начало очень сильно в духовном, эмоциональном смысле. Заблуждаются, в частности, те, кто считает, что женщина в искусстве второстепенна. Мне встречались удивительные примеры искусства женщин — композиторов, исполнителей, поэтов, кинематографистов, режиссеров. Впрочем, этот разговор такой суетный. Если человек стремится к духовности, если он стремится к высшему, то не важно, кто он — мужчина или женщина.

ОБ ИСТОЧНИКАХ РАДОСТИ

Для меня основным источником радости является мой оркестр — КРЕМЕРАТА-БАЛТИКА. Мне кажется, что мы нашли гармонию содружества, которая, как и гармония музыки, гармония тишины, сближает человека с человеком. И цель наша не признание, а поиск. Недавно мы зафиксировали один из наших последних проектов — «Времена года» (Астор Пиаццолла, Антонио Вивальди, Леонид Десятников) — нечто, доказывающее, что нет музыки старой, новой, а есть только музыка универсальная, если она хорошая.

ДОСЬЕ «МН»

Гидон Маркусович КРЕМЕР родился 27 февраля 1947 года в Риге в семье музыкантов. В четырехлетнем возрасте под руководством отца и деда начал заниматься игрой на скрипке. В 1954 – 1965 годах занимался в музыкальной школе-десятилетке при Латвийской консерватории. В 1971 г. окончил Московскую консерваторию по классу скрипки у Давида Ойстраха, в 1973-м – аспирантуру (рук. Ойстрах). Лауреат международных конкурсов скрипачей: им. Н.Паганини в Генуе (1969, I пр.), им. П.Чайковского в Москве (1970, I пр.).

Как исполнитель Кремер сотрудничал с самыми выдающимися музыкантами XX века – Мартой Аргерих, Леонардом Бернштайном, Никласом Гернонкуртом, Зубином Метой, Риккардо Мути, Гербертом фон Караяном, Кристофом Эшенбахом и др.

С 1981 г. в местечке Локенхауз (Австрия) Гидон Кремер проводит фестиваль «KREMERATA MUSICA». В феврале 1997 года состоялся первый концерт камерного оркестра «КРЕМЕРАТА-БАЛТИКА», музыканты которого представляют Латвию, Литву и Эстонию. Этот коллектив, с которым Гидон Кремер соединил свою творческую жизнь, регулярно гастролирует по всему миру.

Кремер Гидон

27.12.98
155-